

Список источников

1. Бурцев, Н. А. Политическое манипулирование и его специфика / Н. А. Бурцев, А. К. Сквиков // Youth World Politic. – 2015. – № 4. – С. 107–112.
2. Казбан, Е. П. Геополитические модели как инструменты анализа современных мировых процессов / Е. П. Казбан, М. А. Верниченко, А. В. Кирка // PolitBook. – 2023. – № 1. – С. 70–86.
3. Макаревич, Э. Ф. Стратегии информационных войн в исторической и политической динамике / Э. Ф. Макаревич // PolitBook. – 2018. – № 2. – С. 6–29.
4. Сквиков, А. К. Государственный суверенитет в условиях глобализации, сетевизации и цифровизации / А. К. Сквиков, В. Г. Преждарова, А. В. Шумилов // PolitBook. – 2023. – № 1. – С. 58–69.

А.Г. Арутюнов, аспирант

*Научный руководитель – А.Ю. Мамычев, доктор политических наук,
профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)*

ФАКТОР ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ

Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) очень часто используется как инфоповод для СМИ в различных странах мира, являясь одним из ключевых тэгов, а также кратковременно выходя на высокие места во фрейменге, другими словами, темы, связанные с ДЭГ, выходят на высокие строчки в новостной повестке. Чаще всего ДЭГ упоминается в негативном ключе по отношению к его применению в иностранных государствах. При этом стоит отметить, что государственные или аффилированные с государством СМИ подавляющего большинства стран, которые сами реализуют ДЭГ, пишут о ДЭГ исключительно положительно. В этом отношении ДЭГ можно сравнить с почтовым голосованием, которое преподносится в СМИ по таким же схемам и направлениям распространения информации. В Российской Федерации ситуация с освещением ДЭГ выглядит сходно с описанными выше характерными свойствами, за тем исключением, что критика ДЭГ в других странах в российской инфо-среде минимальна. ДЭГ соприкасается не только с информационными и цифровыми вызовами, но и, например, с юридическими [1, с. 34]. При этом стоит отметить, что ДЭГ может быть реализован в весьма крупных масштабах, к примеру, в Эстонии количественно явка по ДЭГ превысила очную явку, сами результаты выборов,

скорее всего, отражают реальную картину электоральных предпочтений, однако сами итоги могут трактоваться по-разному [2, с. 180] в информационном поле.

Внесистемная, а часто и системная оппозиция в Российской Федерации использует критику ДЭГ как своеобразный «аргумент о непрозрачности или нечестности избирательных кампаний», что, однако, не соответствует действительности, по крайней мере, не в критических или значимых масштабах. Исследователи, в частности, Т.С. Аكوпова, В.Л. Шаповалов, А.В. Булгакова, отмечают, что критика (часто неоправданная) или даже просто дезинформация, а также фейки о ДЭГ широко применяются, а все эти факторы как инструменты информационной войны против Российской Федерации или попытки политических игр в области «черного» пиара часто реализуются. Ряд исследователей отмечает, что не только освещение ДЭГ, но и оно само является своеобразным каналом информационной коммуникации [3]. При проведении сравнительного политологического анализа освещения ДЭГ, его образа и имиджа было выявлено, что эти тренды с большой степенью достоверности оправдываются.

В ходе исследования были определены некоторые устойчивые тенденции в рамках информационных стратегий политических акторов, проводящих активную политику в сфере освещения ДЭГ в Российской Федерации для российской же аудитории.

Первой тенденцией можно назвать широкие попытки дискриминации ДЭГ, компрометации победителей по ДЭГ, дискредитация электоральных механизмов (одностороннего блокчейн-шифрования, сайтов и, шире, онлайн-платформ). Второй тенденцией можно назвать стремление ТИК ДЭГ (единая территориальная комиссия по дистанционному электронному голосованию, базирующаяся в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации) сделать процедуры технической обработки ДЭГ максимально прозрачными и открытыми и, самое главное, публичными. К примеру, сюда можно отнести разделение и сборку ключа или ключей шифрования, которые освещаются при помощи сбора пула СМИ, а также трансляции на сайте и в социальных сетях и мессенджерах. Третьей тенденцией можно назвать «сражение» двух противоположных друг другу групп «ботов», которые, однако, оказываются малоэффективны как со стороны дискредитации, так и со стороны поддержки ДЭГ.

Таким образом, ДЭГ в условиях информационных войн оказывается, во-первых, инфоповодом, во-вторых, важной частью повестки, в-третьих, предметом конструирования негативного или позитивного образа власти.

Список источников

1. Балаян, Э. Ю. Влияние цифровизации на формы реализации конституционных прав человека в России / Э. Ю. Балаян // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 10. – С. 34–40.
2. Гуселетов, Б. П. Парламентские выборы в Эстонии: победа либералов и поражение консерваторов / Б. П. Гуселетов // PolitBook. – 2023. – № 3. – С. 180–194.
3. Федоров, В. И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом / В. И. Федоров // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2022. – № 4. – С. 117–135.

А.С. Беляева, студент

*Научный руководитель – В.П. Герасенко, доктор экономических наук,
профессор
АУнПРБ (Минск)*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НАСЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Термин «информационная война» вошел в научный и международный медийный оборот лишь в последней четверти XX в., хотя предшествовавший ему термин «пропаганда» стал широко употребляться начиная с периода Первой мировой войны [1, с. 9]. Именно страны Антанты, в первую очередь Великобритания и Франция, сумели придать пропаганде, направленной на противника, невиданные ранее масштабы: в период 1914–1918 гг. на германские позиции и города было сброшено около 30 млн листовок, газет и брошюр [4, с. 288].

Современная концепция информационных войн активно исследуется и применяется в западноевропейских исследованиях и практиках. Эта концепция основана на работах и опыте китайских военных и политических деятелей, включая Сунь-цзы – выдающегося полководца и государственного деятеля. Сунь-цзы одним из первых обобщил опыт информационного воздействия на противника: «Одержать сотню побед в сражениях – это не предел искусства. Покорить противника без сражения – вот венец искусства» [7, с. 606]

На современном этапе развития общества информационная война определяется как форма борьбы, основанная на использовании информационных технологий и средств массовой информации с целью достижения политических, военных или экономических целей путем дезинформации, манипуляции информацией и создания хаоса в информационном пространстве. [10, с. 191]